

"Стальной Ангел"

Екатерина Панова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Панова
"Стальной Ангел"

«Автор»

2026

Панова Е.

"Стальной Ангел" / Е. Панова — «Автор», 2026

Герои: Арсений Верховцев (50 лет) — бывший офицер спецназа, владелец сети ЧОПов, крышующих оружейный трафик от Владивостока до Берлина. Лика Ветрова (28 лет) — художница-реставратор, случайно ставшая свидетельницей его «деловой встречи». Сюжет: Арсений приказывает убить Лику, но, увидев ее, не может выполнить приказ. Он запирает ее в своем особняке, пытаясь сломать психологически. Но она не боится. Она рисует его портрет, видит в нем не монстра, а сломленного солдата. Между ними вспыхивает страсть, перерастающая в любовь. На кону не только его жизнь, но и жизнь его любимой женщины. Ему придется пройти Ад, чтоб получить "билет" в Рай.

© Панова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7

Екатерина Панова

"Стальной Ангел"

Глава 1

Глава 1

1999 год, Чечня. Горы.

Мы лежали на камнях, сливаясь с серой предрассветной мглой. Где-то внизу, в ущелье, спало логово. Я перекатывал во рту травинку и смотрел на схему, выжженную в памяти.

Слева — открытый склон. Минута бега под пулями. Справа — скала и узкий проход. Можно зайти тихо, но если нас ждут — выйдут с двух сторон и прижмут к стене.

Я сжал рацию. В наушнике — тишина.

Что-то было не так.

Слишком правильная картинка. Слишком ровные позиции. Слишком тихий эфир. За десять лет я научился чувствовать засаду кожей. И сейчас эта кожа горела.

— Командир, — шепнул Джокер слева. — Дикий какой-то беспокойный.

Дикий — позывной разведчика. Я глянул в его сторону: Дикий лежал ничком и мелко крестился. Он никогда не крестился перед делом. Никогда.

Я поднял кулак — знак «внимание». Группа замерла.

— Ждём, — сказал я одними губами.

Тишина длилась ещё три минуты. Где-то внизу хлопнула дверь. Слишком громко. Слишком нарочито.

— Нас пасут, — выдохнул я. — Кто-то из своих стукнул.

Джокер сплюнул:

— Суки.

Я закрыл глаза и представил лица тех, кто знал о выходе. Полковник. Начштаба. Сосед по казарме, с которым пили позавчера. Любой из них. Или все сразу. За деньги продавалось всё: проститутки, номера в гостиницах, выходы групп. И мундиры. Особенно мундиры. Честь давно сняли с довольствия.

— Идём справа, — сказал я. — Быстро и грязно.

Мы пошли.

Проскочили проход за двадцать секунд. Первая граната ушла в окно. Вторая — в дверь. Я влетел внутрь, поливая очередью тени в углах.

И тут рвануло.

Земля ушла из-под ног. Воздух стал бетонным. Я не слышал взрыва — только вату в ушах и собственное сердце, которое билось где-то в горле.

Осколки вошли в спину. В ноги. В голову.

Я падал долго. Бесконечно долго. В темноту. В тишину. В никуда.

А перед глазами — карие глаза девушки, которую я встретил за месяц до отправки. Она сказала: «Вернись». Я пообещал. Я всегда выполнял обещания.

Последнее, что я запомнил — чей-то сапог, перешагивающий через мою руку. И голос. Русский голос с местным акцентом: «Этот готов. Следующий».

Я выжил. Потому что, видимо, кому-то наверху было смешно смотреть, как я буду собирать себя по частям.

Из четырнадцати человек группы вернулись двое. Я и Дикий. Джокер остался в ущелье. Остальные — в цинке.

У меня не оторвало руки и ноги. Тело собрали, заштопали, поставили на ноги. Но с мозгами и психикой — потеряно навсегда. Мне дали медаль и списали.

Я уехал во Владивосток. Убивать учился заново. Только теперь — чисто, по-бумажному, с улыбкой и контрактом.

2010 год, Владивосток. Центральный офис.

Три часа ночи. Виски в бокале. На столе — подписанный контракт с немцами.

Я смотрел на бумаги и понимал: это пик. Берлин. Филиал. Легальные деньги. Чистые схемы. Я вытащил себя из дерьма, отмылся и сел за стол переговорщика.

И что дальше?

Вопрос висел в воздухе. Я задавал его себе последние несколько часов, но ответа не было. Как говорила Скарлетт Охара Баттлер в том старом фильме: «Я подумаю об этом завтра». Завтра. Точнее, уже сегодня вечером.

Я посмотрел в окно. Владивосток спал. Огни порта, силуэты кораблей, тишина.

В дверь постучали.

— Войдите.

Секретарша — ночная дежурная, которую я даже не помнил как зовут — просунула голову:

— Арсений Викторович, курьер. Срочное.

Я кивнул. Курьер вошёл, положил конверт на стол и вышел, не сказав ни слова.

В конверте была фотография. Мой старый друг, с которым мы начинали дело. Авдеев. Мы вместе поднимали первый бизнес в девяностых. Вместе выходили из перестрелок. Вместе пили за победы.

Сейчас он стоял на коленях, с разбитым лицом, в каком-то подвале. А на обороте было написано: «Он должен тебе. Завтра. 20:00. Склад на Второй Речке. Один».

Я усмехнулся.

Авдеев успел просрать дело всей моей жизни. Затащил наркоту, от которой люди дохли как мухи. Подставил общую кассу. Кинул партнёров. И теперь, видимо, проигрался в долг.

Я мог бы не ехать. Послать всех. Закрывать эту главу.

Но я посмотрел на фотографию дольше, чем следовало. И понял: я еду.

Не потому что должен. Не потому что боюсь угроз.

А потому что внутри всё ещё сидит тот мальчишка из девяносто девятого, который обещал зелёным глазам вернуться. И вернулся.

Пусть поломанный. Пусть пустой. Но живой.

Я допил виски, надел пиджак и вышел. Ночной город встретил меня солёным ветром и тишиной.

Впереди была встреча с прошлым. А прошлое, как известно, не прощает долги.

Глава 2

Я знал, что это будет хреновая встреча.

Не страх. Не тревожность. Просто ощущение кожей: что-то пойдет не так. Я застегнул Rolex на запястье, поправил пиджак и спустился вниз. Сказал помощнице, что она может доделывать дела и отдыхать до воскресенья. Сам планировал после встречи уехать в дом за город. Побывать один. Может, утешиться какой-нибудь красоткой из дорогого эскорта. Ничего личного. Просто сбросить пар.

Но сначала — Авдеев.

Время — двадцать три ноль-ноль. Склад на Второй Речке встретил меня запахом сырости и металла. Разговор изначально не задался. Такие встречи вообще далеки от джентльменского клуба с разговорами о высоком. Но этот мудака Авдеев перепутал все берега. Просрал бизнес. Заташил наркоту. И вдобавок трахнул жену Кузина — одного из главарей местной группировки.

У меня было желание самому пристрелить Авдеева. Но мои гребаные принципы дружбы взяли верх. Я обязан был встать на защиту. Потому что когда-то мы вместе пили кровь. Когда-то он вытащил меня из-под пули. Долги надо отдавать.

Я вошел внутрь. Кузин сидел за столом, поигрывая ножом. Авдеев стоял на коленях в углу. У меня за спиной — двое моих людей. У Кузина — восемь стволов по периметру.

Я сел напротив.

— Давай решать вопрос, — сказал я.

Кузин усмехнулся.

— Какой вопрос, Верховцев? Твой дружок трахнул мою жену. Он труп.

— Он мне должен.

— Мне плевать.

Я заметил движение на крыше. Тень. Потом еще одна. Четыре снайпера по периметру. Кузин готовился основательно.

Я достал телефон, нажал кнопку.

На том конце — беззвучный сигнал. Мои люди снаружи начали работать.

Через тридцать секунд Кузин получил сообщение от своего старшего: «Снайперов нет. Все чисто».

Он побледнел.

— Ты...

— Я, — кивнул я. — Теперь давай поговорим.

Раздался выстрел.

Не мой. Кузин выстрелил первым. Пуля прошла в сантиметре от моего уха.

Дальше — как учили. Реакция. Скорость. Точность.

Первая пуля — Кузину в голову. Вторая — его заместителю, который потянулся за оружием. Третья, четвертая, пятая — остальные не успели даже встать.

Через семь секунд все было кончено.

Передо мной лежал Кузин с дыркой во лбу. Вся его охрана — рядом. Кровь заливала бетонный пол.

Я выругался.

— Дерьмо.

Повернулся к Авдееву. Он стоял на коленях, глядя на трупы. Глаза — бешеные, руки трясутся.

— Сукин сын, — рявкнул я. — Ты должен лежать здесь вместо него!

Авдеев открыл рот. Закрыл. Из горла вырвалось невнятное мычание. Он пытался что-то сказать, но язык не слушался. Слюна текла по подбородку.

Я смотрел на него и видел пустоту. Ничтожество. Мужика, который понимал, что подписал себе приговор. Я только что развязал войну с Кузинской группировкой. Трупы, кровь, разборки — все это ляжет на меня. Из-за него.

— У тебя есть два часа, — сказал я. — Убраться из страны. Навсегда.

Авдеев закивал. Слезы потекли по щекам.

— Вали, — добавил я тихо. — Пока я не передумал.

Он выбежал. Спотыкаясь, падая, поднимаясь.

Я выдохнул. Посмотрел на трупы. Надо вызывать бригаду чистки.

Вышел на улицу. Ночь. Сырость. Тишина.

Я пошел к машине. Проходя мимо темного закоулка между контейнерами, я остановился.

Краем глаза заметил силуэт. Кто-то стоял и не двигался. Словно восковая фигура.

Я медленно достал пистолет. Взвел курок.

Тихий, едва уловимый женский всхлип.

— Выходи, — рявкнул я.

Дрожащим, медленным шагом из темноты вышла женщина. Маленькая. Хрупкая. Она тряслась так, будто ее подключили к электрическому стулу. Руки прижаты к груди. Глаза распахнуты от ужаса.

— Имя, — рычу я.

Губы шевелятся. Звука нет.

— Имя! — громче.

— Лица, — шепот. Почти беззвучно.

— Какая Лица? Фамилия. Что ты здесь делаешь? Кто тебя послал? Отвечай четко и быстро.

Она открыла рот. Глаза закатились.

Рухнула в обморок.

Я закатил глаза.

Господи, где я так перешел тебе дорогу, что ты послал мне это полуживое создание?

Она свидетель. Она все видела. Она слышала выстрелы. Ее нельзя оставлять. Нужно ликвидировать.

Мысль пронеслась за долю секунды. Я поднял пистолет. Направил ей в голову.

Палец лег на курок.

Она лежала на земле. Светлая. Маленькая. Беззащитная.

Я не мог нажать.

Не здесь. Не сейчас.

Я убрал пистолет. Подозвал своего водителя.

— Перенеси ее в машину. Аккуратно.

— В багажник?

— На заднее сиденье. Вези в дом. В мой дом.

Водитель кивнул. Поднял девушку на руки. Она была легкой. Почти невесомой.

Я сел вперед. Закурил. Смотрел в темноту.

У меня на руках свидетельница. У меня на хвосте Кузинская группировка. У меня внутри — пустота.

Что я творю?